

Р.Крамме

"ТВОРИТЬ НОВУЮ КУЛЬТУРУ" -"ЛОГОС" 1910-1933*

КРАММЕ Рюдигер — доктор философии, научный сотрудник факультета социологии Билефельдского университета (ФРГ).

---

* Статья является результатом работы над исследовательским проектом по истории немецкого "Логоса", осуществленным благодаря поддержке Deutsche Forschungsgemeinschaft (Немецкого исследовательского общества). В ходе работы было изучено примерно 7000 документов, относящихся к "Логосу". С каталогом и копиями этих документов можно ознакомиться в Архиве Георга Зиммеля (Georg Simmel Archiv) в Билефельде.

Научное сотрудничество, обмен информацией, взаимное узнавание культур ради обоюдной пользы и понимания друг друга — такие цели преследовал в области наук о культуре проект "Логос". Реализацией проекта стал знаменитый "Международный журнал по философии культуры". И цели, и сам проект сегодня вновь поразительно современны.

Я ограничусь в данной статье историей немецкого "Логоса" отнюдь не по причине национального чванства. Дело в том, что, во-первых, читатели "Социологического журнала", возможно, хорошо знакомы с историей русского "Логоса"¹, вышедшего с 1910 года в Москве, а в 1914 году до начала войны — в Санкт-Петербурге; а во-вторых, программа и цели немецкого и русского "Логосов" были общими, и за все 23 года существования немецкого издания связь с основателями российского не прерывалась.

"Логос" был в лучшем смысле *совместным* германо-российским или российско-германским предприятием, которое оправдало себя и в отношении программы, и в отношении организации. Много лет спустя, в 1923 году, когда стал вопрос о воссоздании русского "Логоса" (об этом ниже), Риккертсчел необходимым специально отметить: "Без сомнения, участвовавшие в создании немецкого "Логоса" русские редакторы, которые своей энергией и предприимчивостью весьма способствовали реализации замысла, а затем в мирное время поддержали немецкий "Логос" в финансовом отношении настолько, что он оказался в состоянии платить очень хорошие гонорары (например, выше, чем в журнале "Kant-Studien") и тем самым вступить в успешное соревнование с уже существовавшими ранее философскими журналами, — без сомнения, теперь они имеют право вновь вернуться к реализации своей первоначальной идеи. Они принадлежат (в том числе и юридически) к числу владельцев "Логоса" [4].

Инициаторы создания журнала — Николай Бубнов, Сергей Гессен, Федор Стеггун и Борис Яковенко, а также Рихард Кронер, Георг Мелис и Арнольд Руге были знакомы друг с другом. Они вместе учились в Гейдельберге у философа Вильгельма Виндельбанда, а затем во Фрайбурге у его коллеги и ученика Генриха Риккерта².

---

¹ См. статьи В.В.Сапова [1-3].

² См. об этом:[5,5.435-451;6,5Л41-157,228-235;7].Позже Степун писал О.Зибекку: "Логос", основанный в свое время нашим фрайбургско-гейдельбергским кружком, был, правда, международным журналом по

Впоследствии Степун в своих воспоминаниях расскажет о том, как в этом дружеском кружке зародилась идея издавать международный журнал по философии на четырех или пяти европейских языках. И действительно, наряду с немецким и русским, с февраля 1914 года выходил еще итальянский "Логос", в создании которого, как показывают документы, решающую роль сыграла немецкая редакция³. Кроме того, были запланированы национальные редакции "Логоса" в Венгрии, Англии, Америке, Франции и др., однако до начала первой мировой войны различные препоны помешали осуществить эти проекты, а после войны издатели немецкого "Логоса" уже не возвращались к ним по причинам политического и экономического характера. Не преуменьшая значения этого журнала, надо все же трезво различать, с одной стороны, намерения и проекты, а с другой — их фактическую реализацию.

Обстоятельства создания "Логоса"

Даже если первоначально журнал задумывался русскими и для России (см.: [11]), то очень скоро общее недовольство духовным состоянием эпохи⁴ и желание практически участвовать в созидании культуры будущего побудили друзей выработать план международного журнала по философии культуры, в качестве *spiritus rector** которого выступил Сергей Гессен. Риккерт отдавал должное заслугам Гессена. В письме к Зибекку он называет его "душой всего предприятия", своим самым одаренным учеником, необыкновенно умным и энергичным [13]. "Это необыкновенно одаренный и очень инициативный человек, — подчеркивает Риккерт в другом письме. — Ему принадлежит весь замысел "Логоса", без него в России эта идея никогда не была бы реализована. Кроме того, план его был совершенно бескорыстным, потому что "Логосом" он озлобил и сделал своими врагами множество пожилых профессоров, как мне рассказал профессор Кистаковский из Москвы. И теперь, именно потому, что он мой ученик, у него будут трудности с докторской защитой в Петербурге" [14]⁵. Стоит отметить, что о Бубнове Риккерт был прямо противоположного мнения, о чем и сообщал в письме Ласку: "Докторскую диссертацию Бубнова я считаю просто скандальной. Знаете ли Вы, что это была статья для "Логоса", которую Кронер и Мелис отклонили, так как она показалась им слишком глупой? В этом отношении я перестаю понимать Виндельбанда. Кажется, он слишком слаб, чтобы хоть кому-то сказать "нет". Но он, видимо, не отдает себе полностью отчета в том, что, выпуская таких приват-доцентов, он позорит все наше "направление". Гессен утверждает, что Бубнов стал приват-доцентом только для того, чтобы затем стать министром просвещения в России, так как для этого поста требуются университетские профессора, прославившиеся своей непригодностью. Может быть, это чуть-чуть и преувеличено, но совсем чуть-чуть" [16].

Итак, благодаря помощи своих учителей — Виндельбанда и прежде всего Риккерта — друзья смогли в Германии добиться согласия на участие в проекте Пауля

национальной философии культуры, но никак не журналом по международной философии культуры. Неверно также, будто его вызвали к жизни ученики Риккерта, так как Кронер, Мелис, Руге и я были учениками Виндельбанда" [8]. Руге сегодня еще не забыт, во всяком случае, — из-за его столкновений с Марианной и Максом Веберами (см.: [9]). Пожалуй, именно поэтому Степун обходит столь неприятное обстоятельство и вообще не упоминает его имени. Руге *de facto* вышел из редколлегии в марте 1910 года, а *de jure* — в марте 1911. Примечательным образом Степун забывает также и об участии Яковенко в становлении русского и немецкого "Логосов".

³ В одном из писем своему издателю Кронер вспоминает, что появление итальянского журнала было не просто "допущено", немецкий "Логос" выступил в качестве "основателя" итальянского (см.: [10]).

⁴ Впервые они совместно сформулировали свои критические оценки и надежды в книге "О Мессии" [112].

* вдохновителя и руководителя (лат.) — прим.ред.

⁵ Степун также подтверждает, что Гессен проявил наибольший энтузиазм и энергию. См.: [15, S. 201].

Зибекка и 15.08.1909 года подписали договор с ним. Зибекк, с давних пор связанный дружескими узами с Виндельбандом и Риккертом, был шефом весьма авторитетного издательства в Тюбингене "J.C.V.Mohr (Paul Siebeck)", оплота юго-западного немецкого неокантианства и либерального культур-протестантизма. Впервые Зибекк узнал о плане журнала "Логос" 8.07.1909, а 18.07.1909 года состоялась, видимо, первая встреча Риккерта, редакторов "Логоса" и Зибекка во Фрайбурге (см.: [17]).⁶

Но чему должен был служить журнал, название которому — "Логос" — дал Риккерт, а подзаголовок — "Международный журнал по философии культуры" — молодые инициаторы проекта (см.: [19])? По замыслу основателей, издание журнала должно было привести ни больше, ни меньше как к появлению философски фундированного нового мировоззрения, новой "системы" и даже новой "философской культуры", затрагивающей и сердца, и умы людей. Тем самым предполагалось дать философский ответ на запросы современной эпохи, требования которой многим уже давно казались чрезмерными. Темп изменений и *развития* обесценивал все старое; а новое, в его многообразии, оказывалось непонятным, неподвластным, пугающим. Уже на рубеже веков философ и социолог Георг Зиммель (в первое десятилетие существования немецкого "Логоса" — влиятельнейший патрон и автор журнала)⁷ писал: "Современную эпоху, особенно, судя по всему, новейшее время, пронизывают чувства напряжения, ожидания, неутоленного влечения, словно только еще должно состояться главное — решающее, подлинный смысл и центральный пункт жизни и вещей. Это явно связано с тем перевесом (на него мы здесь часто обращали внимание) средств над целями жизни, который приходит вместе с ростом культуры" [21, S. 669-670]. Вот почему, "невзирая на кропотливый труд специалистов ... со всех сторон... раздаются призывы к широким обобщениям, то есть к дистанцированию от конкретных частных, открывающему возможности телескопического обзора, когда вблизи уже не будет никакого мельтешения, а все то, что до сих пор можно было лишь потрогать, теперь можно будет еще и постигнуть" [21, S. 662].

В своей первой совместной публикации Бубнов, Гессен, Степун, Кронер и Мелис попытались воспользоваться для выражения этого состояния понятием "мессианства"; теперь то же самое должно было стать программой "Логоса". Речь идет о работе по созданию "дистанции обзора", что должно было позволить определить вес и значение каждой частности, указать ей ее место и, таким образом, в интеллектуальном и духовном отношении сообщить индивиду новую ориентацию, а тем самым — уверенность и надежность. Следовательно, эта установка вполне гармонировала, скажем, с культур-философскими рассуждениями: Э.Трельча — о "творческом синтезе", Риккерта — о "философской системе" Зиммеля — о "философской культуре"⁸ (назовем лишь эти несколько имен патронов "Логоса").

Бурное развитие техники и невероятный рост товарного и денежного обращения в государствах "старой" Европы, а также России и "новой" (Северной) Америки оставили глубокий след во всех областях жизни. Результатом попыток духовно освоить эти новые требования, в свою очередь, стало множество философских школ и

---

⁶ Поэтому заблуждается либо Степун, утверждающий в своих мемуарах (впрочем, это касается и многих других дат), что на этой встрече присутствовали Д.Мережковский и З.Гиппиус, либо Гиппиус, датирующая свое и Мережковского пребывание во Фрайбурге маем того же года. См. об этом [1, p. 225].
О создании журнала см. подробнее также [18].

⁷ О значении Зиммеля для "Логоса" и "Логоса" для Зиммеля я подробнее пишу в другом месте. См.: [20].

⁸ В этой связи следовало бы вспомнить о работах Риккерта того периода, посвященных созданию "системы философии", о его статьях в "Логосе", из которых наиболее характерна статья "О системе ценностей", опубликованная в 1913 году в IV томе "Логоса". Не забудем и о работе Зиммеля "Основные проблемы философии" (1910), которую он в письмах называет так же, как и собрание своих эссе, вышедшее годом позже: "Философская культура".

художественных стилей. Именно такой диагноз поставили современной эпохе инициаторы "Логоса". Отсюда они сделали три очень серьезных вывода: *во-первых*, речь идёт о проблемах культуры в самом широком смысле; *во-вторых*, рассматривать указанные проблемы можно Лишь междисциплинарным образом, то есть привлекая все науки о культуре; *в-третьих*, сколь бы ни были важны национальные различия, проблемы имеют всеобщий характер и работа по их разрешению может быть только международной. Вот почему культура, междисциплинарность и международность были теми столпами, на которых покоился весь замысел "Логоса".

Программа и уставы "Логоса"

Реализацией этого замысла стали, конечно, программа и "Уставы международной комиссии и подчиненных ей национальных редакций". Программа, проект которой был подготовлен редакционной комиссией, состоявшей летом 1909 года из Мелиса, Кронера, Руге, Гессена, Степуна и Яковенко [19], а также "уставы", сформулированные Мелисом и Руге, оставались путеводной нитью журнала, его "регулятивной идеей" во все время существования⁹. Правда, мы не смогли обнаружить окончательного "авторизованного" варианта программы, который должен был служить выражением целей и задач редакции и в этом качестве способствовать привлечению патронов и авторов журнала. Однако в нашем распоряжении есть два проекта программы, относящиеся к июню и июлю 1909 года (они сохранились в архиве Риккерта в отделе рукописей библиотеки Гейдельбергского университета, HeidNs 2740 / 148). Кроме того, имеется набросок проспекта, предназначенного для издательства и читателей, относящийся к 1910 году. Наконец, существует не подписанное, но сформулированное Риккертом и Мелисом предисловие от редакции в первом номере немецкого "Логоса". По этим документам можно судить о программе, в которой выражено *sic* проекта. На нее должны были равняться, несмотря ни на какие национальные модификации, и национальные редакции.

Каковы цели "Логоса"? "В наше время философия устремляется к жизни, а жизнь — к философии. "Логос" желает опосредствовать связь между философией и жизнью и самостоятельно творить новую культуру" [23]¹⁰. Для этого необходимо прочувствовать все культуросозидающие мотивы, "выявить все оттенки философских размышлений о проблемах культуры". Такого рода размышления не могли, конечно, останавливаться у национальных границ: "Наше время стремится к наивысшему развитию особых национальных культур, однако при этом нельзя забывать, что лишь в наднациональном соединении результатов национальной культурной работы может состоять конечная цель всех философских устремлений." Отказ во имя философии от тупого национализма, свойственного современной авторам эпохе, соединяется затем собственно с элементами и многообразием культурных сил. В духе самой что ни на есть историчистской традиции утверждается, что необходимо "взаимопонимание наций, постижение самоценности всякой особенной национальной культуры. Такого рода наднационализм отличается как от космополитизма, уничтожающего

⁹ Даже в 1932 году Кронер все еще оценивал свою позицию так: "Что касается редакционных принципов, которых я придерживаюсь, то вкратце я бы хотел сказать вот что: я верен традиции "Логоса", мои усилия направлены на соединение философии и других наук о духе, дабы пронизать мыслью прошлое и настоящее культуры, с другой стороны — содействовать идейному обмену между народами, а тем самым — и придавать импульсы немецкому мышлению через ознакомление с зарубежным, и распространять немецкую мысль за границы" [22].

¹⁰ Здесь же можно найти формулировки Зиммеля: "Журнал должен быть вполне и исключительно продуктивным, он должен [сам] творить культуру и оставить на долю других сообщать о культуре уже сотворенной, что всегда несет на себе черты недоброжелательства."

индивидуальные особенности исторического развития, так и от узкого национализма, не признающего ценности единого культурного человечества". Именно так трактуется интернациональность журнала.

Понятие "наднационализм", представляющееся нам ныне диковинным, следует рассматривать в связи с понятием "единое культурное человечество". Это показывает организационная часть программы, где идет речь о планируемых национальных "Логосах" и их взаимных коммуникациях и проводится различие между так называемыми специальными и основополагающими статьями. Последние — это те, в которых выражается "философский и наднациональный момент единства" и которые должны были бы печататься во всех национальных изданиях¹¹. Иными словами, "наднациональное" — это общее, выходящее за пределы национальных особенностей, то, что связывает культурное многообразие в культур-человечество. Риккерт небезосновательно дал журналу название "Логос". Ведь юго-западное немецкое неокантианство и через аксиому о вневременном разуме, ценностном характере культуры и о вечно значимом в исторических образованиях дает о себе знать в программе, где о предполагаемых рецензиях говорится следующее: "Лишь очень значительные и характерные для всего развития труды должны быть рассмотрены в аспекте их культурного и философского ценностного содержания." А взгляд в будущее неминуемо требует осмысления прошлого посредством исторической работы, которая позволила бы "встроить современные явления в целое соответствующих культурных традиций". Ведь "философия культуры — как это весьма последовательно утверждается в предисловии к немецкому изданию—должна повсеместно *искать разум в культуре*" [25, S. III].

Развитие немецкого "Логоса"

На титульном листе первого выпуска немецкого "Логоса"¹² в апреле 1910 года в алфавитном порядке были расположены имена тех, "при участии" кого издавался журнал. Это был, по существу, небольшой справочник "Кто есть кто" в немецкой духовной истории начала XX века, гарантировавший общественности высокие достоинства названных лиц и их принадлежность к определенному профессиональному кругу: философ и лауреат Нобелевской премии по литературе за 1908 год Рудольф Ойкен (1846-1926), юрист Оттоф Гирке (1841-1921), философ Эдмунд Гуссерль (1859-1938), историк Фридрих Майнекке (1862-1954), философ Генрих Риккерт (1863-1936), философ и социолог Георг Зиммель (1858-1918), религиовед и философ культуры Эрнст Трельч (1865-1923), юрист, национал-эконом и социолог Макс Вебер (1864-1920), философ Вильгельм Виндельбанд (1848-1915) и, наконец, историк искусства Генрих Вельфлин (1864-1945)¹³. Как сказал М.Веберу Риккерт, "все важнейшие науки о

¹¹ О различии между "национальным" и "наднациональным" подробно говорится в редакционной статье, открывающей первый выпуск русского "Логоса" [24]. Эта статья показывает также, что акценты в определении целей ставились по-разному: для немецкого "Логоса" главное состояло в том, чтобы в соответствии с духовной ситуацией времени философски рефлексированным образом заново творить культуру; для русского "Логоса" главным было утверждение примата культуры перед религией, утверждение автономии индивида.

¹² Ответственным редактором поначалу номинально считался Г. Мелис (1875-1942), однако фактически, а с 1913 года и официально его соредактором был Р.Кронер (1884-1974). В годы первой мировой войны журналом опять руководил один Мелис. В 1924 году он был вынужден оставить академическую карьеру, выйдя и из редакции "Логоса". Кронер, который в 1919 году de facto один исполнял обязанности ответственного редактора, руководил затем журналом до его закрытия в 1933-1934 годах.

¹³ До 1927 года вместо скончавшихся были кооптированы следующие "покровители" журнала: Пауль Наторп (1919/20, ум. 1924), Карл Фосслер (1920/21), Юлиус Биндер и Эдуард Шпрангер (1922/23), Рудольф Отто (1923/24), Эрнст Кассирер (1924/25), а после смерти Р.Ойкена наследовавший его кафедру

культуре оказались здесь представлены исследователями, связанными одновременно и с философией, и именно это налагает уже на титульный лист "Логоса" весьма своеобразный отпечаток" [26]. Издатель сформулировал это так: "Редакционная коллегия представляет собой почти образцово многостороннюю философскую программу" [27].

Многосторонность, привлечение авторов из разных стран должны были стать фирменным знаком журнала. Помещенные в нем статьи образуют мозаику философских усилий того времени, направленных на разработку понятия "культура". При этом, в том смысле, какой имел в виду Риккерт, рассматриваются все сферы культуры и эстетики, а также техника, философия права, социология, национальная экономика, история, педагогика, религиоведение, языкознание и, разумеется, философия. Среди двухсот сорока авторов "Логоса" много иностранцев. Следует назвать Э.Бутру Н.Бубнова, Г.Калогера, Б.Кроче, С.Франка, Дж.Джентиле, Ж.Гурвича, С.Гессена, В.Иванова, Б.Яковенко, Н. Лосского, С.Лурье, Г.Лукача, В.Норстрема, А.Рава, Л.Шестова, В.Сеземана, Ф.Степуна, П.Струве, Б.Вариско. Мы называем только тех, чьи имена, быть может, еще говорят сегодня что-то нашему современнику. А ведь среди участников были к тому же венгры, чехи, голландцы, шведы, американцы, англичане и др. Что касается немецких авторов, то, помимо упомянутых выше "патронов", следует назвать Г.-Г.Гадамера, Г.Глокнера, Н.Гартмана, Э.Кассирера, Г.Канторовича, Г.Кельзена, Г. ф. Кайзерлинга, З.Кракауэра, К.Мангейма, Г.Миша, Г.Радбруха, Э.Шпрангера, П.Тиллиха, К.Фосслера, Марианну Вебер и Л.Циглера. И здесь тоже бросается в глаза, как много имен осталось не названными, потому что они сегодня уже совершенно забыты. Отчасти это объясняется тем, что речь идет о молодых людях, только начинавших свою карьеру и сумевших добиться лишь незначительной известности. Однако главным образом дело заключается в том, что известные в то время авторы были в основном связаны с неокантианством и для нас они канули в Лету вместе с ним. Но все-таки уже тогда было нелегко получить хорошие статьи знаменитых иностранных авторов. Поэтому издатели, принадлежавшие к юго-западному немецкому неокантианству, должны были проявлять значительную терпимость, дабы удовлетворять своему собственному постулату об открытости для (почти) всех философских направлений. "Почти" — ибо относительно всего, могущего иметь хоть какую-либо близость к психологии, господствовало явное неприятие. Приведем только один пример — но зато ярчайший. Для публикаций Гуссерля как "патрона" журнал был открыт всегда. В первый же год издания он смог опубликовать свою статью "Философия как строгая наука". Однако его попытки опубликовать или, по меньшей мере, дать отрецензировать в "Логосе" работы своих учеников проваливались столь регулярно, что он, ради мира и спокойствия, заблаговременно прекратил эти усилия. Итак, если в первые десять лет в "Логосе" доминировали, вне всякого сомнения, работы авторов, близких к неокантианству или хотя бы не очень далеких от него, то все-таки "Логос" был открыт и для гегельянства (Кроче), философии жизни (Миш), неовитализма (В. ф. Вайцеккер), интуиционизма (Кайзерлинг) и неофихтеанства (Ю.Биндер, Лосский). Напротив, феноменология была на дурном счету.

Реакция общественности на "Логос", судя по рецензиям, была почти исключительно позитивной, можно даже сказать, — преувеличенной. Особенное одобрение вызвал концептуальный поворот к практической философии — философское обращение к жизни. Положительно отнеслись и к тому, что в "Логосе" в значительной степени отказались от специальных философских терминов, а это позволяло установить контакт с непосвященной публикой, заинтересованной в

философии. Одобряли тематическое разнообразие и подбор авторов, обладающих высокой репутацией. Все это, по мнению рецензентов, свидетельствовало, что "Логос" представляет собой первую серьезную попытку духовно освоить современную ситуацию с ее ощущением кризиса и угрозы. Программа "Логоса" содержала серьезную претензию: журнал должен был обращаться ко всем образованным, но прежде всего — к "воспитателям народа". Эта претензия оказалась оправданной: подписчиками журнала были профессора и студенты, писатели, священники, офицеры действительной службы, но прежде всего старшие преподаватели**.

Первая мировая война: вынужденный перерыв

Первые четыре года существования журнала можно рассматривать как эксперимент по реализации заложенной в его программе концепции, однако мировая война привела к вынужденному перерыву, от которого "Логос" в концептуальном отношении уже никогда не смог оправиться. Хотя до войны попыткам интернационального расширения журнала ощутимо помешали национальные границы (так было в США, Англии, Франции, Венгрии), вполне можно было надеяться в обозримом будущем решить эту проблему, соответствующим образом подработав программу и "уставы". Война не только положила бесславный конец всем этим надеждам, она также привела к приостановке выпуска русского "Логоса" и отчуждению итальянского. Совершенно очевидно, что в Италии, безучастия немецкой редакции, состоялось переучреждение журнала, после чего в 1920 году, на третьем году выпуска, он стал выходить в другом издательстве, с другими ответственными редакторами, расширенным составом редколлегии и измененной программой. Сотрудничество между немецким и итальянским "Логосами", которое якобы имело место, на самом деле оказалось фикцией¹⁴. В то же самое время, но совершенно независимо, Б.Яковенко предпринимал попытки ограничить влияние итальянского "Логоса" романоязычными странами, чтобы таким образом подготовить почву для воссоздания прежней триады, состоящей из немецкого, русского и итальянского журналов. Вместе со Степуном, Гессеном и русскими эмигрантами, прежде сотрудничавшими в "Логосе", он намеревался основать в Праге выпуск "новой серии" русского "Логоса"¹⁵. Но в конце концов и новое сотрудничество между старыми друзьями, русским и немецким журналами, тоже не удалось. Со стороны немецкого издательства были предъявлены такие требования гонораров за статьи из немецкого "Логоса", которые русская редакция была не в состоянии выполнить, так что в результате появился только один том (за 1925 год) "пражского" "Логоса"¹⁶. Что касается немецкого "Логоса", то во время войны он мог выходить лишь благодаря тому, что Г.Мелис (который, как и Р.Кронер, был призван в армию уже в августе 1914 года) после легкого ранения, с февраля 1915 года служил вблизи родных мест и мог снова взять на себя дела издания. А поскольку Мелис также позаботился об обеспечении "Логоса" бумагой, то журнал, хотя и нерегулярно и в урезанном объеме, выходил в течение всей войны. Что же касается содержания, то на нем война никак не отразилась. Правда, Й.Кон вопрошал о "бессмыслице и значении войны" [40, S. 125 pass.], а Мелис — о "смысле войны" [40,

** "Старшими преподавателями" в Германии назывались учителя народных школ, получавшие это звание за выслугу лет и успехи в преподавании. — Прим.ред.

¹⁴ Об этом свидетельствует переписка Кронера с издателем. См., напр.: [27-29].

¹⁵ См. переписку Кронера и Гессена с издателем [30-38].

¹⁶ Яковенко намеревался в 1929 году предпринять еще одну попытку [39], однако затем он вместо этого основал журнал "Der russische Gedanke. Internationale Zeitschrift für russische Philosophie, Literaturgeschichte und Kultur" ("Русская мысль. Международный журнал по русской философии, истории литературы и культуре"), вышедший в 1929-1934 годах в Бонне (в издательстве Fr. Cohen).

S.252]. Однако более симптоматичным было скорее анонимно опубликованное (автор — Х.Фалькенфельд) "Письмо с фронта добровольца-артиллериста и студента философии": "... Я все еще убежден, что третья кантовская антиномия более важна, нежели вся эта мировая война, и что война относится к философии так же, как чувственность к разуму. Я просто не верю, что события телесного мира могут хотя бы в малейшей степени затронуть наши трансцендентальные составляющие, и я не поверю в это, хотя бы даже осколок французской гранаты попал в мою эмпирическую плоть. Да здравствует трансцендентальная философия!" [40, S. 220]. Скажем лапидарно: в "Логосе" война не имела места.

Двадцатые годы

Но как же тогда понималась в "Логосе" его культурная миссия¹⁷ и функция философского стража культуры? Это показывает, например, № 2 за 1921 год (т. 9), который был полностью посвящен "Закату Европы" Шпенглера. Один из позднейших рецензентов писал об этом так: "Почти пастырская забота об "истерзанной немецкой душе" подвигла нескольких именитых ученых — Э.Шварца, Л.Курциуса, К.Йозля — высказаться против пророчеств Шпенглера. Шпенглер для Шварца — это пример попытки "символически превратить историю в ничто" [42]. Конечно, междисциплинарная критика его философских спекуляций была достаточно важна для автора "Заката Европы" — еще до выхода номера в свет он испросил для себя разрешение взглянуть на корректуру (см.: [43]). Неудивительно, что его одобрения все это не вызвало: "Я теперь прочитал, — пишет он в одном письме — полностью весь выпуск "Логоса" и нахожу, что он представляет собой спектакль, недостойный немецкой науки — нечто такое, что уже нельзя сделать небывшим. Может быть, это самый плачевный результат ученого чванства — до сих пор они всегда старались замолчать или уничтожить всякую новую идею, пока, наконец, силою происходящих изменений не оказывались вынуждены включить ее в число своих первоисточников. Таково положение дел, и мне кажется, что его надо было бы однажды исследовать и оценить — как типичный случай — с более общих позиций" [44, S. 180]. Действительно — сегодня Шпенглера исследуют как типичный случай той эпохи. А вот такой способ обращения с современным автором в тематическом номере, который ему же и был посвящен, — случай уникальный. Подобный номер оказался исключением из правила — не в последнюю очередь и потому, что Кронер, как он сам сообщал в письме Й.Кону, "испытал так много неприятностей в связи с нанесенными "Логосом" обидами или оскорблениями (не будем сейчас говорить, насколько справедливо на нас обижались), что теперь с меня хватит; ведь принципом "Логоса" всегда было рекомендовать хорошее и замалчивать плохое" [45]. В результате применения этого правила "Логос" в 20-е годы стал точным отражением идеалистической философии в Германии. Правда, еще в начале 1919 года Мелис, совершенно не отдавая себе отчета в том, насколько изменилась ситуация, полагал, будто "Логос" ожидает прекрасное будущее, ибо интернациональность делает его современным [46], однако война смешала все карты. Кронер реагировал на происходящие изменения, во-первых, периодической публикацией обзоров современного состояния зарубежной философии, а во-вторых, выпусками тематических номеров по философии в Америке, Голландии и Италии. Что касается содержательной стороны дела, то под руководством Кронера журнал все больше менял свое направление, уходя от неокантианства времен его основания, минуя

---

¹⁷ "Определенную культурную миссию он все-таки выполнил", — писал Мелис П.Зибекку в 1919 году [41].

неофихтеанство и все сильнее приближаясь к неогегельянству 20-х годов. Дискуссии этого времени о Марксе и Кьеркегоре не нашли в "Логосе" никакого отражения, тогда как восприятию Ницше все-таки были посвящены две статьи и заметки. Проблему очень точно оценил издатель журнала¹⁸, отмечавший в 1925 году в одном из писем, что и философия "теперь идет совсем иными путями, чем те, какими шли, например, основатели "Логоса" когда у них еще все было впереди" [47]. Иными словами, из программного журнала по "Философии культуры" в 20-е годы — как отражение всеобщего философского развития — получился столь же всеобщий "Журнал по практической философии". Правда, журнал этот и по своей ориентации, и по подбору авторов все еще резко отличался от остальных философских журналов. Однако первоначальная программная установка — творить, а не комментировать культуру, открывать новые пути, а не следовать уже реализованным тенденциям, была отвергнута. С "философией завтрашнего дня" (формула Риккерта времен основания журнала; см.: 48) было покончено. Вряд ли можно упрекать за это редакторов "Логоса". Основание журнала было отмечено, помимо всего прочего, тем обстоятельством, что его "патроны" — столь разнящиеся между собой представители столь разных философских направлений и дисциплин в области наук о культуре — все-таки смогли объединиться вокруг общей программы и ради общей цели. Но в 20-е годы, наряду с многообразием философских направлений, было характерно и стремление их представителей обособиться друг от друга.

Лучшим примером этого служит крах попытки издать к 70-летию Г.Риккерта (25 мая 1933 года) юбилейный сборник, который должен был стать "одновременно и своего рода лебединой песней неокантианства, и выражением со стороны следующего поколения признательности за то, чем оно все-таки обязано немецкой юго-западной школе" [49]. Причиной неудачи явилась резкая взаимная неприязнь тех, кто был приглашен принять участие в этом сборнике, — не в последнюю очередь Н.Гартмана и М.Хайдеггера [50]. "Юбилейный сборник, репрезентирующий немецкую философию в конце первой трети XX века", как он был задуман [51], продемонстрировал нечто прямо противоположное: плюрализм философских направлений, представители которых уже не вспоминают о тех идейных импульсах, которые они некогда получили, и больше не желают публиковаться в совместном труде. А кроме того, что бы там ни думали основатели в перспективах "общества "Логоса"", но все-таки с течением лет сам по себе журнал — хотя он и стал центром и форумом культур-философской рефлексии — так и не превратился в отправной пункт подлинно продуктивного мышления.

Но миф, сопровождавший "Логос" уже в годы его издания, требовал иного. И вот в 1926 году Кронер описывает в письме Фосслеру следующую дилемму: "Конечно, неверно утверждать, будто существует нечто вроде "школы "Логоса"", но примечательно, что многие разделяют этот предрассудок и потому избегают "Логос" — о чем я весьма сожалею" [52]. Таким образом, те усилия, которые Кронер предпринимает в конце 20-х годов, чтобы привлечь в "Логос" новых авторов и тем самым вновь его "интернационализировать" (он использует при этом в своих целях и ренессанс Гегеля, и личные контакты, прежде всего с голландскими и итальянскими гегельянцами¹⁹), можно истолковать и как реакцию на современную ему философию, и как попытку оживить основополагающую идею "Логоса" 1909 года.

1933 год: конец "Логоса"

¹⁸ Речь идет об О.Зибекке, сыне первого издателя "Логоса".

¹⁹ С 1930 года Кронер был президентом международного Гегелевского общества, одним из основателей которого он также являлся.

Именно этот поворот и эти контакты Кронера позволили его преемникам Герману Глокнеру и Карлу Ларенцу без особых трудностей в октябре 1934 года возобновить издание. Теперь оно называлось "Журналом по немецкой культур-философий" и было заявлено как "Новая серия" "Логоса". Сам же Кронер по причине еврейского происхождения был изгнан из журнала — еще один горький эпизод, сопровождавший закат "Логоса"!

Глокнер и Ларенц намеревались, как они заявляли, "служить тому великому движению, которым охвачен теперь весь наш народ и которое мы глубочайшим образом постигаем как движение духовное" (см. об этом [53]). Г.Барт откликнулся на это статьей в "Новой Цюрихской газете", не случайно названной "Некрологом". "Конец "Логоса", — писал он, — знаменует собой завершение целого периода в немецкой духовной истории" [42].

Перевод А.Ф.ФИЛИПОВА

ЛИТЕРАТУРА

1. Sapov V.V. The Collapse of the Journal "Logos" // Herald of the Russian Academy of Sciences. 1993. № 3. P. 225-237.
2. Sapov V.V. Sergei Hessen. Russian Philosopher // Herald of the Russian Academy of Sciences. 1993- № 6. Pp. 443-445-
3. Sapov V.V. Letters from the Editor of a Nonpartisan Journal // Herald of the Russian Academy of Sciences. 1993. № 6. Pp. 446-454-
4. Kroner R. Brief an Werner Siebeck vom 21.01.1923 // Verlagsarchiv J.C.B.Mohr (Paul Siebeck), Tübingen ***.
5. Treiber H. Die Geburt der Weberschen Rationalismus-These // Leviathan. 1991. Heft 3. S.435-451.
6. Dahlmann D. Bildung, Wissenschaft und Revolution // Intellektuelle im Deutschen Kaiserreich / Hrsgg. v. Hubinger G. u. Mommsen WJ. Frankfurt a.M., 1993
7. Weber M. Zur Russischen Revolution von 1905. Schriften und Reden 1905-1912. (Gesamtausgabe, Abt. I. Bd. 10) / Hrsgg. v. Mommsen WJ. in Zusammenarbeit mit Dahlmann D. Tübingen, 1989-
8. Stepun F. Brief an O.Siebeck vom 8.12.1934- MS: 481 / -.
9. Weber Marianne. Max Weber. Ein Lebensbild. Mit einem Essay von G.Roth. München und Zürich, 1989.
10. Kroner R. Brief an W.Siebeck vom 15.05.1922. MS: 404 / 15577.
11. Rickert H. Brief an P.Siebeck vom 15.07.1909. MS:270 / 19161.
12. Vom Messias. Kulturphilosophische Essays / Hrsgg. v. Kroner R., Bubnoff N.v., Mehlis G. Hessen S., Steppuhn F. Leipzig, 1909.
13. Rickert H. Brief an P.Siebeck vom 8.07.1909. MS: 270 / 1961.
14. Rickert H. Brief an P.Siebeck vom 14.05.1910. MS 290 / 15157.
15. Stepun F. Vergangenes und Unvergängliches. Bd. 1. München, 1947.
16. Rickert H. Brief an E.Lask vom 16.07.1911. Universitätsbibliothek Heidelberg. HeidsHs 3820.
17. Rickert H. Brief an E.Lask vom 24.07.1909. Universitätsbibliothek Heidelberg. HeidsHs 3820.
18. Kramme R. Philosophische Kultur als Programm. Die Konstituierungsphase des Logos // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise / Hrsgg. v. Treiber H. u. Sauerland

---

*** Ниже в списке литературы архив издательства J.C.B.Mohr (Paul Siebeck) сокращенно именуется MS.

K. Wiesbaden, 1994.

19. Rickert H. Brief an H.Glockner vom 902.1934 (Abschrift). MS: 481.
20. Kramme R. Fragments of Life / The Enclosure of Being. Georg Simmels Philosophy of Culture 1908-1918 // Individuality and Modernity. Georg Simmel and Modern Culture / Ed. by Isaaksen L.W. u. Waerness M. Bergen, 1993.
21. Simmel G. Philosophic des Geldes. (Gesamtausgabe Bd. 6) / Hrsgg. v. D.PFrisby u. K.Ch.Kohnke. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1989.
22. Kroner R. Brief an O.Siebeck vom 6.01.1932. MS: 466 / 108.
23. Prospekt-Entwurf, undat.,sub Brief GMehlis an Paul Siebeck vom 401.1910. MS: 287 / 767.
24. От редакции // Логос. 1910. Кн. 1.
25. Logos. 1910.Bd. 1.Hft. 1.
26. RickertH. Brief an M.Weber vom 13031913. Universitätsbibliothek Heidelberg. HeidHs. 2740 / 140.
27. Siebeck P. Briefan G.Mehlis vom 2.11.1912.MS: 334 / 37758.
28. Kroner R. Brief an Verlag J.GB.Mohr (Paul Siebeck) vom 1.031921. MS: 398 / 5983.
29. Siebeck W. Brief an R.Kroner vom 9.03.1922. MS: 404 / 6701.
30. Kroner R. Brief an W.Siebeck vom 10.01.1923. MS 408 / 1735.
31. Kroner R.. Brief an W.Siebeck vom21.01.1921. MS:408 / 2393.
32. Siebeck O. Brief an R.Kroner vom 18.12.1924. MS:413 / -610. 33. Kroner R. Brief an O.Siebeck vom 13.01.1925. MS418 / 1106.
34. Kroner R. Brief an O.Siebeck vom 21.01.1923. MS 408 / 2 393.
35. Hessen S. Brief an O.Siebeck vom 10.12.1924. MS412 / -332.
36. Brief vom Verlag J.C.B.Mohr (Paul Siebeck) an S.Hessen (Vertragsentwurf zwischen Hessen, Kroner und Mohr!). MS 417 / 1183.
37. Hessen S. Brief an O.Siebeck vom 10.08.1925. MS417 / 23645.
38. Siebek O. Brief an S.Hessen vom 2.09.192 5. MS 417 / 2 3645.
39. Jakowenko B. Brief an Verlag J.C.B.Mohr (Paul Siebeck) vom 20.06.1928. MS435 / 20114.
40. Logos. 1914 / 15. Bd.V
41. Mehlis G. Brief an P.Siebeck vom 1.02.1919. MS 388 / 3481.
42. Earth H. Nekrolog auf eine Zeitschrift // Neue Zurcher Zeitung. 1934. 27. Juni.Abendausgabe.
43. AlbersA. (Beck'sche Verlagsbuchhandlung). Brief an J.C.B.Mohr (Paul Siebeck) vom 5.01.1921.MS 397 / 40.
44. Spengler O. Briefe 1913-1936. / Hrsgg. v. A.M.Koktanek in Zusammenarbeit mit#M.Schroter. Munchen, 1963.
45. Kroner R. Brief an J.Cohn vom 1402.1926. Jonas Cohn-Archiv an der Universitat Duisbyrg. B-123-008.
46. Mehlis G. Brief an P.Siebeck vom 8.01.1919. MS 388 / 686.
47. Siebeck O. Brief an G.Mehlis vom 502.1925. MS 418 / 2862.
48. Rickert H. Brief an M.Weber vom 12.12.1909. Bayerische Staatsbibliothek, Ana 446.
49. Siebeck O. Brief an E.Rothacker vom 27.05.1930. MS 453 / 17960.
50. Siebeck O. Brief an E.Rothacker vom 5 09.1931. MS461 / 27836.
51. Siebeck O. Brief an H.Glockner vom 16.07.1934. MS 478 / 12574.
52. Kroner R. Brief an K.Vossler vom 22.02.1926. Bayerische Staatsbibliothek, Ana 350, 12, A.
53. KrammeR. Logos 1933 / 34. Das Ende der "Internationalen Zeitschrift fur Philosophic der Kultur" // Philosophie und Nationalsozialismus / Hrsgg. v. Chir. v. Wolzogen. Stuttgart, 1994.

